

*Память
Великой
Победы*

А.Ю. ВАСИЛЕНКО

**РАССКАЗЫ
О ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ**

Алексей Юрьевич Василенко
Рассказы о Великой
Отечественной
Серия «Память Великой Победы»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57188960

Рассказы о Великой Отечественной:

ISBN 978-5-4484-8328-8

Аннотация

Костромской журналист и писатель Алексей Василенко в своей книге собрал более ста документальных свидетельств ветеранов-фронтовиков: пехотинцев, лётчиков, танкистов, связистов, санитаров, сапёров – о самых памятных и трагических событиях Великой Отечественной войны. Каждый из этих рассказов можно назвать важным документом эпохи, запечатлевшим ежедневный героизм нашего народа в прошедшей войне.

Содержание

От автора	6
Так всё начиналось	11
Четыре дня	11
Война с границы начиналась	19
Вот такое было начало	29
На грани анекдота	39
Из кольца	44
Летний день на усадьбе	52
А мы были почти готовы	57
Выстоять!	66
Война глазами генерала и лейтенанта	66
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Алексей Юрьевич Василенко

Рассказы о Великой Отечественной

*Нам говорят: опять вы о войне!
Да, о войне. Не можем мы иначе.
Ведь до сих пор все наши клетки плачут
И не хотят привыкнуть к тишине.
Вина ли наша в том, что и во сне
Бесшумными и плавными столбами
Разрывы чёрные вздымаются над нами
И отбирают жизнь, как на войне.
И нашу боль не утопить в вине
И не запудрить, не замазать лаком!
Чтоб кто-нибудь услышал и заплакал, —
Мы снова вам расскажем о войне.
Пусть небо голубеет в вышине,
Пускай десятки, сотни лет проходят,
Пусть изменились время, ритмы, моды, —
Мы вновь и вновь расскажем о войне!
Когда мы все сгорим в своём огне,
Но хоть один подняться сможет утром,
Он, чтобы мир и добрым стал, и мудрым,
В который раз расскажет о войне.
Когда наш след исчезнет в вешнем дне,
Придите к нам, солдатам, на могилы!
Мы и тогда, собрав в кулак все силы,
Потомкам, вам, прошепчем о войне...*

© Василенко А.Ю., 2020

© ООО «Издательство «Вече», 2020

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Сайт издательства www.veche.ru

От автора

Вот сейчас вы держите в руках эту книгу и пытаетесь понять: а что этот автор мог в ней написать о войне, о той далёкой войне? Не знаю, подскажет ли вам это хоть что-нибудь, но вот эти несколько сотен страниц писались много лет не только мной, книга собиралась постепенно, она выростала из рассказов знакомых людей и людей, с которыми я встречался по природе своей профессии. Материал для книги давали многочисленные встречи с участниками войны – Великой Отечественной войны, подлинные письма погибших... Постепенно начала вырастать в этом материале Война вообще, как уродливое явление в жизни человечества, и Война как святое действие, напряжение сил во имя спасения своего дома, близких тебе людей, во имя справедливой мести врагам, пытавшимся растоптать всё, что тебе было дорого в такой короткой жизни.

Война в этой книге рассказана со всех сторон, рассказана самыми рядовыми участниками самых известных, крупнейших в мире битв. Говорили пехотинцы, лётчики, танкисты, связисты, санитары, сапёры... Говорили о подвигах своих и близких друзей, говорили о рядовых буднях войны. Более ста фронтовиков участвовали в создании этой книги своими делами, своими воспоминаниями. Будет ли именно эта книга интересна сегодня? Уверен – станет. Ветераны сообщали

порой такие подробности, о которых трудно найти сведения, говорили о событиях и фактах, которые порой старательно обходятся. Они имели на это право, завоевав его кровью.

К величайшему сожалению, большинства из них уже нет в живых. А ведь к началу войны только один из героев этой книги достиг возраста Иисуса Христа – тридцати трёх лет! И почти все остальные были по современным меркам совсем мальчишками и девчонками от 18 до 25 лет. Это именно они в подавляющем большинстве заслонили свою страну своими сердцами от гитлеровского нашествия. И когда нынче вы выходите в святом душевном порыве с портретами погибших фронтовиков на улицы, помните: это не деды, не отцы вас защищали, а такие же ребята, как вы сами. Вот потому и названа книга: «1941–1945. Когда мы были молодые».

Однажды какой-то... настороженный гражданин, узнав, что я пишу книгу и какую книгу я пишу, поджал тонкие губы и вполне доброжелательно заметил: «Вы бы поосторожнее с ними, с фронтовиками этими. Конечно, там люди есть вполне заслуженные, но ведь и другие могут попасть к ним в соседство, те, которые просто воевали и ничем таким знамениты не были».

Возможно, я забыл бы об этом малоприятном эпизоде, но вдруг подобная мысль промелькнула в разговоре с другим человеком. Мысль о людях, которые «просто воевали» и потому ничего не заслуживающих... Нет, я знал, что думающих так – единицы, что подавляющее большинство людей

думает по-другому, но я знал и то, что ответить надо. Пусть с запозданием, но ответить.

В одной книге – это была история одной из самых прославленных советских дивизий, на знамени которой пять орденов, – я натолкнулся на описание боя. Его вели две батареи, расположенные по соседству. Одна из них уничтожила девять танков противника. Командиру было присвоено звание Героя Советского Союза. Другая батарея уничтожила тоже девять танков. Командир был награждён орденом Красного Знамени. Идентичность условий и неодинаковая оценка подвига меня удивили. Стал я спрашивать фронтовиков, не называя имён, почти, так сказать, теоретически. И услышал в ответ:

– Ещё и не так бывало. Тот, второй, высокую награду Родины всё же получил, а мог и не получить. Случайностей тут немало было. А потом – тогда ведь многие так думали, как в стихах сказано: «Не до ордена, была бы Родина...»

Потом я не раз встречался с наградными листами, за которыми не последовала награда. Они были у многих фронтовиков. Почему это происходило, и тогда разобраться было невозможно, а теперь, за давностью лет – и подавно. Просто война есть война. Она и путаницу внесёт, и бомбой разобьёт машину, в которой везли документы. В спешке наступления война заставляла забыть о человеке, а когда спохватывались, – он убит или в госпиталь попал, а потом – в другой части оказался. Даже одинаковые награды имели разный вес.

Сейчас почти невозможно уже встретить человека с медалью «За отвагу» на маленькой колодочке – именно на маленькой, вроде той, на которой носят лауреатские знаки, а сама медаль диаметром побольше, но если всё же встретите, – обязательно поклонитесь герою: почти наверняка он заслужил эту медаль в самое тяжёлое для страны время. Такими медалями награждали в сорок первом. И до чего же мало награждали! Медаль эта дороже многих наград.

«Не до ордена, была бы Родина»...

Мы учили фронтовиков ценить свои заслуги, мы призывали: фронтовики, наденьте ордена!

А они до конца своей жизни отмахивались: да ладно, чего там! Был как все...

С годами всё теснее становился круг ТЕХ солдат. Пули и осколки через десятилетия догоняли их, догоняют последних. Уже совсем скоро останется только один человек на нашей земле, который видел ту далёкую, страшную. И наверняка это будет человек, который попал на фронт совсем мальчишкой, под самый конец войны. Может быть, даже не успел он совершить никакого подвига, и никак не соизмерить его заслуги с заслугами тех, уже ушедших.

Но разве не будем мы в его лице славить Солдата?

Разве не будем мы видеть в нём Защитника Отечества?

Разве не будет он для нас человеком, достойным земного поклона?

Так давайте же поклонимся сейчас каждому, кто шёл по

большой войне, кто честно выполнял свой долг.

Сейчас!

...И воспримите эту книгу о великой войне, о такой раз-
ной войне, о Солдате, простом солдате как такой поклон...

Так всё начиналось

Четыре дня

Михаил Николаевич Данилов

– Война для меня началась тогда же, когда началась для всей страны. Я сейчас о себе не как о военном человеке говорю, а как о личности. Ведь как оно было? Одни люди узнали войну по работе в тылу. Я не умаляю их заслуг, но боевые действия их непосредственно не коснулись. И слава богу. Другие встретились с войной в самом страшном смысле этого слова позже, из-за призывного возраста, например. Третьи географически находились далеко от границ западных и, даже будучи военными, приняли участие в боях месяцем, неделями, днями, часами позже.

Для меня война началась с первой минуты, утром 22 июня. За два дня до этой страшной даты я, молодой, высокий, худой и нескладный выпускник военного училища, прибыл на западную границу. Место назначения у меня было под городом Дубно Ровенской области. Это на Западной Украине.

Ну, прибыл. А полка-то моего, куда назначили, нет на месте. Все в полном составе, кроме комендантской роты и ещё

кого-то, выехали в летние лагеря. Тогда, перед войной, это было очень принято: лето солдаты проводили в палатках и в учениях. А, поскольку война приближалась и все это чувствовали, боевой подготовке особое внимание уделялось. И вот – прибыл, а доложить даже некому. Решил пока подыскать себе квартиру, жильё, и в этих бытовых устройствах прошло два дня.

А потом, 22 июня, началось это всё. Тут надо понимать, что мы не пограничники, те вступили в бой с первой секунды вторжения, а над нами волнами пошли самолёты на восток, периодически бросая бомбы и на наше расположение. И вот тут-то почувствуйте ситуацию, моё положение – меня никто не знает, я никого не знаю. Старших командиров нет, и я, зелёный лейтенантик, соображаю, что в эту минуту главный здесь – я! А потому и моё звание, и моя форма должны, обязаны работать! Побежал по расположению – собирать всех, кого смогу найти. К тому времени главная, ударная самолётная волна прошла, построил я всех, а их и полуроты не набралось, командиров – никого. На заставе – слышна вдали страшная автоматная трескотня, гранаты рвутся, одиночные винтовочные выстрелы... А мы тоже готовимся к обороне: роем траншею вокруг казармы, то есть делаем то, что могли делать в тот момент. А могли мы мало. Полк где-то далеко, послал я верхового за хоть каким-нибудь приказом. Ведь именно там вся техника и оружие. А у нас на всё про всё – ни танков тебе, ни орудий тебе, только винтовки – быв-

шие мосинские, а теперь числились они образца 1930 года, да несколько пулемётов. Вот для них мы ячейки оборудовали, хотя прекрасно понимали, что настоящую оборону такими силами держать невозможно. Но делать-то что-то надо! Работали без передышки.

Только через сутки после начала войны (!) появился какой-то капитан. За всё это время – первый и последний командир, который вспомнил о том, что здесь остались люди, которым надо что-то объяснить и направить их на что-то, на какие-то действия... Это я так подумал, увидев его. Но как же я ошибался! Всё было гораздо хуже. Всё это нужно было вчера, а сегодня...

Он закричал, увидев нас:

– Комсомольцы есть? Становись!

Стали мы жиденькой шеренгой. Я оказался самым высоким – на правом фланге. Сослужил мне рост службу – капитан говорит мне:

– Так, вы назначаетесь командиром первой батареи, а вы, – это он второму в строю, моему соседу, – второй батареей будете командовать!

...Какие батареи, откуда, ведь пушек-то нет, чем командовать?!

А он, словно услышал мысли, добавил:

– Сейчас пойдём, я укажу места, где ставить орудия. Немецкие танки будут здесь через тридцать минут.

Всё это гладко можно только рассказывать, а на деле...

Ну, позиции нам указали – это одно. Но чем, чем воевать? А капитан уже сказал, что отправляется за снарядами, и исчез, будто и не было его... Потом один красноармеец, умница, вспомнил: «А ведь капитан говорил, наверно о тех пушках, что в мастерских только что из ремонта вышли. Вряд ли их успели на учения вывезти».

Бегом все туда. Верно! Два орудия. Сто пятьдесят два миллиметра калибр! Уж это-то против танков пойдёт, да ещё как! Но... машина тяжеленная, руками не выкаатишь. Нашли трактор ЧТЗ, завели, подцепили пушку, повезли к указанному месту. Но... (опять это проклятое «но»!) то ли мы чуть замешкались, то ли капитан неправильно срок определил, то ли немцы быстрее шли, не терпелось им нас добить... Но когда мы только показались на окраине, нас уже ждали.

Они себя особо не утруждали. Разведка им уже, наверно, доложила, что гарнизона нет, только горстка каких-то солдат суетится, поэтому они поставили свои танки на лугу, за речушкой, расположились полукругом метрах в двухстах-трёхстах от нас, по танковым понятиям – это почти в упор. И начали нас расстреливать, едва мы себя обнаружили. А как не обнаружишь с такой дылдой да с трактором! До намеченной позиции мы не доехали метров 50—100.

Надо сказать, что пушка эта, конечно, замечательная, но такая тяжёлая, что снять её с передка не просто, много людей надо. Поэтому я и приказал группе человек двадцать следовать за нами. Вот как раз по ним-то немцы и открыли огонь

из всех танковых пулемётов. Несколько наших ребят упали сразу, а у остальных не было даже мгновения, чтобы посмотреть: убиты ли их товарищи, ранены ли? Трактору нашему тоже одной из первых очередей двигатель изрешетили-пробарабанили... Оставалось одно – разворачиваться и принимать бой.

А они как бы играли, как кошка с мышью: посмотрим, что там у этих русских получится. Пехоту свою вперёд не пускали, нет! А может быть, её там и не было даже? Кто знает? До этого ли?!

Мы все взялись и развернули пушку. Вот тут-то немцы поняли, что это и серьёзно, и опасно, и начали обстрел из танков. Если бы они могли предположить фантастическую вещь, что у нас элементарно нет снарядов! У них такое в сознании не могло уместиться: есть орудие, то, значит, при нём есть снаряды. Орднунг! Ежели б они догадались, то просто двинулись бы вперёд, не встречая никакого сопротивления.

Мы в это время были во дворе какой-то хаты. Надо бы отъехать подальше, но уже не было возможности.

В такие моменты, в таких обстоятельствах всё решают секунды. Если бы не случилось то, что случилось, нам немедленно пришлось бы отступать, потому что самое мощное орудие превращается в простую железяку, если нет снарядов. Но произошло чудо: кругом разрывы, очереди, а к нам во двор залетает грузовичок, а в нём – ящики со снарядами! Ай да капитан! Ай да молодчина! Я мог мысленно благода-

рить его, зная точно, что благодарю того, кого нужно, кто это заслужил, потому что это мог сделать только он.

К тому моменту от наших осталось в живых всего восемь человек... Были там два сержанта, которые хоть что-то понимали в артиллерии, и старшина, уверенный такой, который сразу сказал, что пушку знает, потому что воевал с ней ещё в финскую.

А по нам продолжают стрелять. Крыша у хаты очеретом, камышом покрыта была, она, конечно, загорелась. Коровы режут в горящем сарае, поросята визжат, хозяйка детей в охапку – и бежать!

Но у нас было 14 ящичков со снарядами! Наводили мы через ствол, напрямую. Понимаем, что остались одни впереди, надо хотя бы разок огрызнуться, померить их пыл, тогда и нам поспокойнее можно будет оглядеться.

Все работали как заведённые. И, кстати, вначале как заговорённые, потому что все восемь человек довольно долго были целы и живы... Открыли огонь. Выстрел. Второй. Кажется, именно третьим снарядом мы подбили немецкий танк. Снаряд у нашей пушки весит сорок три килограмма, и он пробил даже лобовую броню! Потом время будто остановилось. Мы стреляли, стреляли... Опомился я только тогда, когда был подбит второй танк. Огляделся. Снаряды подносить уже было некому. Когда я стащил последний ящик с грузовика, машина загорелась. А когда остался последний снаряд, в этот момент немцы попали в поворотный механизм

орудия, и он вышел из строя. Всё было кончено, надо было с этого места уходить.

...Мы отбивались ещё полтора дня. Двадцать пятого июня откуда-то появился полковник (кто он – понятия не имею до сих пор), собрал оставшихся в живых своих подчинённых. Только их почему-то никого больше! Я к нему: «Что делать?» Он ясными глазами посмотрел на меня и отчеканил:

– Я вернусь. Ждите приказа!

И по сей день я его не увидел. И по сей день приказа не получил...

Как удалось остаться в живых, – это уже долгая история. Но провоевал я до конца войны, до самого Берлина. И Москву оборонял, и Ленинград, и в Киеве был, и прочее, и прочее...

– До Берлина всё же дошли?

– Да. В окрaины мы вошли 21 апреля 1945 года. И уже на следующий день поставили нас на прямую наводку. Так и получилось: с чего начинал войну, тем и заканчивал. Ещё когда только подходили к Берлину, соревнование вроде было, кто первый откроет огонь. Мы, правда, первыми не оказались, у нас орудия тяжёлые, не такие разворотливые. Тридцатая гвардейская пушечная бригада 47-й армии нас обставила. Но потом мы больше пригодились на прямой наводке. Пушки у нас были 203-миллиметровые, гаубицы БМ. Снаряд – сто килограммов! И мы пробивали завалы и баррикады, расчищая путь пехоте и танкам. Последняя стрельба бы-

ла для меня 1 мая, выпустили мы 16 снарядов. Потом уже я ходил в Рейхстаг и там нашёл «свой» неразорвавшийся снаряд на втором этаже. В кавычках «свой», потому что имею в виду – такой же, как наш. А может, и нашей батарее. Мы ведь тоже по Рейхстагу стреляли.

– Расписались?

– А как же! Углём, на лестнице, между первым и вторым этажами. Подписей там было множество. Перед этим поднял на память такой переплетённый блокнот-книгу, какими пользовались в Рейхстаге.

– А написали что?

– Да просто: Москва – Ленинград – Берлин. Михаил Данилов. За всю войну расписался, с первой до последней минуты.

Война с границы начиналась

Афанасий Прокофьевич Копосов

Он родился в 1918 году. Соответственно, и служить в погранвойсках начал до войны. Боевая биография у Копосова трудная: дважды был ранен, воевал на Ленинградском и Карельском фронтах, потом – на Первом и Втором Украинском, принимал участие во взятии Братиславы, Будапешта, Вены... Короче, ему было что рассказать. Но он же пограничник! Поэтому и вопросы мои к нему были, как к пограничнику, тем более что встретил он войну 22 июня 1941 года на границе, на шестой заставе 80-го погранотряда. А это сейчас – именная застава. Для непосвящённых объясню, что именными становились заставы, где совершены были особые подвиги. Это заставы-герои.

– Афанасий Прокофьевич, сейчас граница с Финляндией считается тихой. Но тогда, в начале сороковых, только что закончилась война с Финляндией, потом она стала союзницей Германии, так что тихой эту границу назвать тогда нельзя было никак. Сегодня многие говорят, что мы чуть ли не прозевали начало войны. Дальше – больше: говорят, что мы и не готовились к ней, а если готовились, то только для того, чтобы напасть на бедную фашистскую Германию...

Пограничники в случае начала боевых действий почти всегда – смертники, очень дорого отдающие свои жизни. Это

люди, встречающие первый удар. Вы чувствовали, что война приближается?

– С полной ответственностью могу сказать, что на всём протяжении западной границы все пограничники знали: война приближается. Мы могли не знать точную дату, но в том, что она начнётся вот-вот, не было никаких сомнений.

Чтобы понять по-настоящему, надо знать, что у пограничников есть своя разведка, что наблюдение за сопредельной территорией ведётся непрерывно, изо дня в день, из года в год. И даже самые, казалось бы, мелочи, зафиксированные в журналах наблюдений, рано или поздно складываются в точную картину того, что происходит на сопредельной стороне.

Ну вот я вам пару примеров приведу. После войны с Финляндией финские пограничники, встречаясь с нами в поле зрения при обходе Государственной границы, подчёркнуто уважительно приветствовали нас. Но вот Финляндия вошла в союз с Гитлером. И сразу же доклад пограничного наряда: финские пограничники, завидев нас, укрылись в лесу и внимательно следили за нашими передвижениями. Один раз, другой... Это стало системой. Тревожный знак? Да.

Или вот ещё. Если кто бывал в Карелии или Финляндии, знает, что там сплошные глыбы камней, земли там – не накопашь шанцевой лопаточкой себе окопчик, нужно взрывать или долбить. И вот настал момент – с территории Финляндии стали доноситься взрывы, взрывы, взрывы, гудение автомашин. А поскольку с нашей стороны им никто не угрожал,

значит, готовится нападение, прокладываются дороги...

Мы, конечно, каждый день всё это фиксировали и доносили по команде – все происшествия, все наблюдения, все результаты нашей пограничной работы. Усилилась и разведка финнами нашей территории. Через болота легче было, по их мнению, проникнуть на нашу сторону.

– То есть нарушителей стало больше?

– Да, больше. Мы со своей стороны тоже стали что-то делать, готовиться...

– В чём это выразалось?

– Ну, хотя бы в том, что ещё в мае 1941 года руководство пограничными войсками дало команду усилить охрану Государственной границы. Стали мы ходить по двое, по трое, а то и больше человек... Такие наряды укрупнённые. В нерабочее время, после службы, ребята больше занимались огневой подготовкой, изучали прилегающую к заставе местность – мы допускали, что придётся вести бои с крупными отрядами финнов на нашей территории. А потому занимались и другими делами: оборудовали огневые точки для станкового и ручных пулемётов. На всю заставу у нас был один дзот земляной, его сделали ещё после финской войны сапёры.

Кроме того, мы начали готовить пограничников к тому, чтобы каждый из них мог вести самостоятельно бой. До тех пор упор делался на коллективную оборону, взаимопомощь и так далее. Но в условиях реальных боевых действий этого было мало. Когда после финской войны возглавил наши

все войска Тимошенко, он дал команду повсеместно учить полевым условиям войны. А у нас, в условиях границы, это выглядело так: группе в два-три человека давали продовольственный паёк и отправляли на несколько километров. Связи тогда практически не было, поэтому группа самостоятельно выполняла задачу, вела наблюдение, вынуждена была принимать решения. И еду, кстати, тоже готовили сами, что потом всем нам очень пригодилось на фронте. Это была очень нужная подготовка.

– Но вот пришло 22 июня. Как у вас это было?

– За неделю до этого дня, даже раньше, выходили мы на службу целыми отделениями и на несколько дней. И на самых вероятных направлениях нападения были у нас вот такие боеспособные группы. Дорог у нас не было, была всего одна – и та только для лошадей. Шла она через болота, и речка там была. А вокруг высотки такие небольшие. И вот выходили мы, занимали верхние точки с пулемётом, и гранаты у нас были. У пограничников тогда особо оружия не было. Ну винтовки. Автоматы после финской войны нам дали ППД, дегтярёвские, а они ещё во время финской себя не оправдали – замерзали на морозе с маслом вместе...

22-го вышла группа с заставы. В ней был и я, а всего нас было восемь человек. Пошли сменять наших, там лейтенант Соловьёв был с группой. И вот когда мы подошли... В общем, поднимаемся мы на высотку, а сзади, с нашей территории, по нам открыли огонь.

Бросились на землю, укрылись. Смотрим: большой отряд финнов полукольцом разворачивается – и идёт на нас. Поливали свинцом, не жалея боеприпасов. И мы приняли бой. На нашем участке мы оказались первыми, кто встал у них на пути.

Тут ведь главное что? Не суетиться. Хладнокровие, выдержка нужны, они почище автоматов пригодятся. Рассыпались мы, открыли прицельный огонь. Ну, стрелять мы умели. Ворошиловские стрелки...

Во время боя вспомнились угрозы финнов. Незадолго до войны прослушивали они нашу связь. Радио у нас не было, связь проводная, телефон. Так они даже прослушивать спокойно не могли, не выдерживали и включались в разговор: мол, мы скоро дадим вам жару! Нагло себя вели, не скрывали свои цели!

Но пока дали жару им мы. Отступая, они утаскивали своих то ли убитых, то ли раненых – несколько человек. У нас – ни одной царапины.

– В общем, вы по этому бою поняли, что началось что-то серьёзное, что это война?

– Представь, нет. Восприняли как боевую провокацию. Странно? А что тут странного, если мы на отшибе, радио у нас нет, телефона тоже нет, даже на заставе, потому что финны об этом позаботились.

Со второй попыткой вышли они на группу лейтенанта Соловьёва. На этот раз более массированно пошли в этом же

направлении, уж очень оно им нравилось. И опять получили по носу крепко.

А в отряде-то, конечно, знают, что началась война, а тут с заставами связи нет, обстановка неизвестна. И прислали к нам старшего лейтенанта Кайманова, он был в отряде начальником боевой подготовки.

– Это тот самый Кайманов, который потом стал Героем Советского Союза?

– Да, и застава сейчас носит его имя – Никиты Кайманова. Прибыл он вначале на комендатуру, а она ведь несколько застав с тыла прикрывает, это ты знаешь...

– Да уж. Человеку, выросшему, как я, на заставах и в комендатуре, это объяснять не нужно.

– Как я понимаю, он уже там, в комендатуре, принял решение. Надо сказать, единственное разумное решение в этой ситуации. наших соседей – пятую заставу – сразу же подняли по боевой и перебросили к нам, потому что у них менее вероятно было нападение. Часть командиров из комендатуры тоже направили к нам. Несколько человек было – сапёры они, оборудовали границу, – тоже прикомандировали. И образовался на шестой заставе крепкий такой кулак, которым можно было отбиваться в случае серьёзного нападения. А то, что оно будет, уже ни у кого не вызывало сомнения.

Они не заставили себя долго ждать. Через несколько дней, когда немцы местами далеко вклинились в нашу территорию, по нам ударили всей армейской мощью. Это уже не ка-

кой-то отряд – артиллерия была, миномёты. Авиация... Пошли войска. А у нас – сто двадцать с небольшим человек, про вооружение и оборудование я уже говорил.

Да, забыл ещё. Когда Кайманов прибыл к нам, то по его распоряжению мы сразу стали расчищать лес вокруг заставы. Лес строевой, сосновый, мы от заставы на 100–150 метров освободили территорию, чтобы незаметно нельзя было подбираться, сделали завалы против всякой техники, только пехота могла идти на нас, а пристрелян был нами уже давно каждый бугорок. Всё вроде бы правильно. Это многим спасло жизнь, но всего не предусмотреть. Ошибся и Кайманов. Как-то не учёл он, что до этих дней была долгая жара без единого дождика, что лес был сухой, как порох. Финны подожгли его.

Обычно, когда говорят: «они были в огненном кольце», то имеют в виду, что окружены были полностью. Мы тоже были окружены, со всех сторон к нам пытались подобраться, но, кроме того, мы были в настоящем огненном кольце – кругом горел лес. Дым, гарь. Стреляют отовсюду, не жалея патронов. С момента полного окружения застава держалась девятнадцать дней! И никакой надежды на помощь, потому что связи не было никакой...

Каждый день мы отбивали атаки. Драка шла смертельная не только перестрелкой, но и врукопашную. У нас ведь не было сплошной линии обороны, откуда взять столько людей. По одному, по два в ячейках, а если где-то было туго, пере-

бегали туда, на помощь. Старшина Егоров у нас был, пытались финны его живьём взять. Не вышло. Несколько солдат заколол в рукопашной, отбился. А они ведь все здоровенные, вояки белобрысые. Остались там лежать. Но потом Егорова тоже достали. Гранатой подорвали. Крепкий зуб, видно, был на него.

Был момент, когда вроде бы открылось окошко, появилась возможность хотя бы посмотреть, где прорываться в крайнем случае. Пошли комсомольский секретарь Морозов и ещё двое. Попали в засаду. Солдаты вернулись, а Морозов был тяжело ранен, не мог идти и прикрывал их отход. Его тоже хотели взять живым. Когда схватили, он рванул гранату... Сам погиб и несколько вражеских жизней взял с собой.

Потом погиб начальник заставы – мой старший лейтенант Азанов. Я был со станковым пулемётом возле основной дороги, там огневая точка была. Пока я отбивался здесь, финны пошли с другой стороны. Там, возле маленького озера, домик начальника заставы стоял, и Азанов с небольшой группой принял там бой... Его снайпер убил...

– Потери вы понесли серьёзные.

– Мы потеряли убитыми почти половину личного состава. Раненых не считаю, они все были в строю. Да, вот про Кузьму Голикова забыл сказать. Он тоже дорогу прикрывал с другой стороны, но не со станковым «максимкой», а с ручным пулемётом. Вот это был боец фантастической храбрости. Он ведь и финскую войну прошёл, к нам его перевели

из частей Красной Армии уже с орденом Красного Знамени. Тогда это была такая редкость! Краснознамёнец – это считалось почти как Герой Советского Союза. К сожалению, в военной кутерьме разошлись наши пути, и больше я не видел его никогда.

Наступил момент, когда у нас почти не осталось боеприпасов. Продовольствие кончилось раньше. Самое страшное – не было воды. На территории заставы один-единственный колодец был, а застава – как на ладошечке, простреливается всё. И жара, жара... И гарь эта вокруг... И говорить уже не можешь, всё распухло.

– Был фильм такой – «Тринадцать». Видел?

– Один из самых моих любимых фильмов.

– Так вот там, когда они вокруг колодца с басмачами и полковником Скуратовым воевали, там была пустыня. А здесь – север, считай, леса вокруг, озёра, даже на территории заставы маленькое было, говорил я уже, – а пить хочется страшно. И достать воду нельзя, потому что несколько человек с фляжками пытались подобраться и остались там лежать навсегда...

– А ночью? Впрочем, простите за глупый вопрос. Какая ночь, лето же, белые ночи...

– То-то и оно. Разгар белых ночей, круглые сутки светло... И вдруг потемнело и пошёл дождь! Счастье-то какое! Уже и белые ночи не такие белые, и дожди пошли, стало легче.

Рано или поздно нужно было выбираться из окружения к

своим. Кайманов поручил мне любой ценой добраться до отряда, чтобы доложить, и хотя бы с самолётом прислали боеприпасы, еду. Дали мне ещё несколько человек, и мы пошли.

Мы дошли. Проползли через кольцо, плутали в лесу, сбились ноги, но вышли. В отряде доложил Молочникову, а он смотрит на меня и не узнаёт – лицо так распухло от укусов комаров...

Потом спросил меня:

– Сопровождающим на самолёте полетишь?

– Полечу.

Но не полетели мы. В авиации сказали: выделить самолёт не сможем.

Была у нас договорённость с Каймановым: если через 5–6 дней самолёта не будет, они будут пробиваться самостоятельно. Они пробились. Под командованием Кайманова все оставшиеся в живых добрались до отряда.

...Передохнуть нам дали два-три дня. Да только не до отдыха было. Выпили, конечно, за возвращение живыми. И всё. В бой. Немцы вместе с финнами пёрли на город Суеярви и на Петрозаводск...

Вот такое было начало

Константин Ионович Маслов

– Мы стояли за Львовом...

Это так начал Маслов свой рассказ. А сами мы стояли недалеко от Красной площади небольшого посёлка, районного центра, рядом со знаменитой древней церковью, где, как сказал Константин Ионович, его когда-то крестили. И стояли мы практически на том самом месте, где был когда-то памятник русскому императору. Вот такая «география» была у нашего разговора. А говорили мы о начале войны, которую Маслов встретил на западной границе СССР, и после этого, провоевав два с лишним года, попал на оборонное предприятие, где и проработал несколько лет. И начало нашего разговора было именно о географии, а точнее – о географии, связанной с политикой, государственными интересами, другими большими вопросами, больно бьющими по одному отдельно взятому человеку.

– ...за Львовом, западнее Львова, могу даже точно сказать: девяносто один километр на запад – и граница, новая, ещё не обустроенная граница СССР. А там – городок Любачев.

– Территория, которая только год как стала советской?

– Стала-то она стала, но места эти богатые, ухоженные, с самым сильным влиянием, как тогда говорили, «панской

Польшы». Соответственно и отношение к нам было хорошее только у бедной части населения, остальные примолкли, сжались, затаились. Прямых враждебных действий почти не было, но и симпатий ярких не было тоже. Плюс ко всему немцы насадили там «пятую колонну»...

После Испании, тамошней войны с фашистами-франкистами, это выражение в ходу было, все понимали, о чём речь, – о людях, которые молча сидят, а в нужный момент выступают с какой-нибудь пакостью или с оружием. Так вот там эта «пятая колонна» явно была. Территория нам досталась та ещё.

И началась война. Я служил с сорокового года, служил в ЛАПе, это расшифровывалось как лёгкий артиллерийский полк. Пушки у нас были 76-миллиметровые, частью на конной тяге, частью – на какой попало.

Половина пятого была... То есть там, рядом с нами, стояли палатки пехотинцев, так их подняли в четыре утра. А нас – на полчаса, на двадцать минут позже. Собственно говоря, что значит – подняли? Через нас самолёты пошли, какой тут сон?

Я в палатке был один, потому что весь наш радиовзвод, а я радистом был, ушёл в караул. Что характерно: за три-четыре дня началось у нас какое-то шевеление в командных кругах. У нас в полку был проведён боевой смотр, всем выдали «смертники» – это капсулы фибровые, велели заполнить, записать все свои данные и носить при себе вот в этом кар-

машке на брюках, в «пистоне» так называемом. Выдали даже на руки запасное бельё, а это уже одно означало, что надвигается что-то серьёзное, нехорошее.

Я ведь почему в палатке остался? Я был в художественной самодеятельности, вскоре готовился концерт, и меня и ещё одного парня оставили, не послали в караул. И вот утром слышу – гул. Я из палатки выскочил, гляжу – три самолёта немецкие, жёлтый и чёрные кресты. Ну, думаю, началось, Костюха! Там же не летали самолёты никакие вообще, нельзя было – это ведь граница. Короче, понял я сразу – война. Хватаю я рацию – и в батарею. А батарея уже туда направляется, в городок, в Любачев этот самый. То есть шли мы туда и не знали, что в это же самое время с другой стороны в Любачев входили немцы. Позже, когда поняли ситуацию, велено было выйти из города, потому что тогда мы не представляли, как действовать артиллерии в городе. Это потом уже, в конце войны, уличные бои с применением танков и пушек были обычным делом, а тогда... В общем, мы повернули обратно, заняли позицию и давай палить. Куда?

– Фактически наугад?

– Наугад, конечно! А где там по-умному, как положено?! Наблюдателей-корректировщиков нигде нет, командир батареи здесь же, с нами, а ему надо на командном пункте быть. А где его взять, этот КП? Его-то вообще нет! От тех минут и часов до сих пор в душе горький осадок – ни к чему мы не были готовы. И ещё по другой причине. Нам говорили, что

на Западную Украину мы пришли освободителями от польско-немецкого угнетения, что народ ждал нас с нетерпением... А тут бегут из города наши солдаты, говорят, что там их из окон шпарили даже кипятком...

– Это простое население?

– Население, население... Это та самая «пятая колонна» себя показала. Не очень-то они были рады нашему приходу...

Тут новый поворот событий. Стреляли немцы довольно точно. А это значило, что кто-то корректирует огонь, и очень грамотно. Мы даже примерно вычислили, что наблюдатель – в центре города. А там – откуда можно наблюдать? Правильно, с церкви, с костёла, как с самой верхней точки. Я-то думал, что мы переместимся из зоны прямой видимости с костёла, но наш мудрый командир батареи приказал открыть по костёлу огонь. Ну, вы же представляете себе его архитектуру! Он же наверху узенький, заострённый. Не так-то просто попасть. В результате такого умного решения все снаряды пошли мимо и упали в город, где, конечно же, было мирное население. Конечно, это любви к нам не добавило. Это ж надо было, чтобы один дуrolом хоть и положил несколько там немцев, но мирных людей, я думаю, намного больше...

– Вот что значит неразбериха первых часов войны!

– Да! Ну, никак мы не думали, что будем в белый свет как в копеечку палить!

...Потом мы стали отходить. Отход-то тоже был больше

похож на бегство. Нам не давали вступить в бой! Отошли мы за километра четыре-пять, потом побольше, ещё побольше, разогнались... Только займёт пехота оборону, мы за ней, не успеем даже позиции оборудовать, – приказ: отходить. И вот так наотходились до Днепра. Переправились за него на левый берег, немного успокоились. Уж тут-то, думаем, встретим немца! Такую реку, такую преграду немец никак не сможет с ходу форсировать, уж не дадим! И что вы думаете? Мы были под Черкассами, а противник форсирует Днепр выше Киева, забыл, как местечко-то называлось... И в этот... – в Кременчуг. Там соединяется со своими, и мы попадаем в окружение. Ни много ни мало, а попало нас там более двух десятков дивизий! И самое главное, какая глупость получилась. – вот эта вся огромная сила оказалась разрозненной, все действовали на свой страх и риск. Тут бы нормальную связь, управление войсками, то могли дать такой отпор, какой надо бы... Могли ведь дать дрозда такой-то массой! Но – деморализованы, разброд...

И они начинают нас методично добивать. В батареях, в частности, у нас из четырёх орудий осталось по два, другие разбиты. Но всё же что-то есть, можно и подраться!

Но тут-то приходит приказ. Видел я его. Писан от руки, как записка любовная. Не знаю, какой трус или предатель писал, но сказано было чётко: взорвать орудия, поскольку мы в окружении, и выходить небольшими группами или поодиночке. Как, в общем, бог даст.

Ну, все у нас опешили от такого. Орудия ещё есть, снаряды к ним есть, хоть по танкам, хоть по пехоте. Мы ещё можем воевать! Да и уходить мелкими группами, с одной стороны, вроде легче, но с другой – и давить нас тоже легче...

Почти со слезами взорвали. Приказ в части орудий выполнен. Теперь уходить. Куда? Мы же окружены! Кругом! А вы не улыбайтесь, это я не ошибся в словах. Дело в том, что, когда охватывают противника с разных сторон, но остаются какие-то проходы, это тоже называют окружением. Мы же оказались в кольце сплошном, куда ни сунешься, везде надо через немцев пробиваться. Причём, сами-то немцы рядом, мы у них на виду со всех сторон. Вот они и стреляют, лупят минами тоже со всех сторон. Они же мины ого-го как использовали! Пока землю не перепахают, в атаку не пойдут, мина – самое основное у них оружие. Ну, куда деться с моей «мелкой группой»? В болото! И вот попёр через болото. Умный! И вот с этой самой умной мордой потом пришлось обратно пробираться через то же болото! Потому что там тоже уже никак не прорваться, там уже тоже он! В конце концов прижали нас к Днепру, пришлось его ещё раз форсировать, обратно, к немцам в тыл. Там побродили немало. Встретили каких-то партизан, вроде бы отряд. Я поглядел-поглядел, думаю: э-э, нет, Костюха, отсюда давай бог ноги, потому что отряд этот непонятный. Сидят, ничего не делают, дисциплины никакой. Эти странные партизаны-непартизаны показались мне опасными. Вроде сборища дезертиров. Это, думаю,

кто-то хочет по домам рвануть.

Впрочем, с этим делом уже пришлось столкнуться до того. У нас в полку было триста призывников из Западной Украины. Так вот они, как только первые выстрелы раздались, разбежались кто куда. Все по домам, никого не осталось. Тоже ведь у кого-то головы умные были! Их бы послать служить куда-нибудь за Урал, то они, может быть, и сгодились бы, не стали дезертирами. А тут – при доме-то! Вот они все и...

Был в те дни один очень страшный момент. Это тогда, когда мы были в окружении, какие-то пушки были ещё целы. Тогда была предпринята попытка атаковать немцев. Собрали нас, человек двести, прочитали нам лекцию о... победе! Лекцию читал нам политрук со шпалой, батальонный комиссар. А вот в бой повёл лейтенант. Тот комиссар остался сзади, не пошёл. А ведь говорил: «Все вы пойдёте в бой коммунистами!»

И вот вышли мы в поле коммунистами... Тут дом, дальше поле, там кукуруза... Никаких немцев. Никого. На кого идти «ура»?

Тем не менее лейтенант даёт команду: «Ура, вперёд!» Побежали. Бежим, как я понимаю, наугад. И ещё я, как и каждый бегущий, понимаю, что нас просто подставили в роли пушечного мяса, чтобы прощупать, где у немцев слабинка. Это вместо нормальной разведки! И вот это понимание вдруг оборачивается реальностью, потому что не успели мы пробежать метров двести-триста, как на нас со всех сторон

посыпались эти чёртовы мины...

Короче, залегли. И, конечно, занялись своим основным солдатским делом, святым делом – начали окапываться. На войне лопатка сапёрная – первейший друг, самый нужный спутник. Когда дело табак, какая бы мороженная, например, земля ни была, выроешь себе ямку, выроешь! Потому что жить хочешь. А тут около меня парень один лежал. Слышу – бубнит чего-то... Я ему: чего, мол, ты в землю говоришь, дай послушать, мол. А он говорит: вот хорошо вам – пехоте, артиллеристам, а у нас вот ни лопатки, ничего. Я говорю: а ты кто?

– Да коновал я, фельдшер лошадиный!

– Редкая военная специальность, – говорю. – Ну, раз так, то с целью сохранения ценных кадров для армии лови лопатку-то!

Кинул ему. Он голову быстренько зарыл, остальное уже не успел: пока мы тут под минный аккомпанемент покурили, покалякали, на нас пошли танки.

Вы знаете, когда лежишь вот так, в открытом поле, и на тебя с неба валятся мины, а вдобавок слышишь, как заревели моторы, – поверьте, что удовольствия в этом маловато. Ну, у меня-то уже глубокий окопчик вырыт, мы, артиллеристы, на войне что делаем, в основном? Стреляем? Да ничего подобного! Закапываем орудия, закапываемся сами, ой сколько земли пушкари перебрасывают! Так что окопчик у меня был по всем правилам. Посмотрел я в голубую даль, посчи-

тал, что танков ровно шестнадцать и что прут они все прямёхонько на нас. Гранат противотанковых нет, ружья противотанкового тоже нет, одна надежда, что родная артиллерия поддержит.

Они поддержали, черти. Только вначале все с недолётом и все по нам, лежащим. Потом они начали попадать, но к этому времени танки уже прямо по нам шли, соответственно и наши лупили тоже по нам. Потом танки пошли дальше, нам надо высовываться, пехоту отсекать, а все перелёты опять по нам...

Танки идут – бьют, по танкам вся артиллерия, какая есть, бьёт, и все перелёты и недолёты – наши! Ад крошечный! Только так можно было эту ситуацию назвать. Страшнее я не знаю – может ли быть? Нет, ничего не может быть! Мины, снаряды, осколки, пули... А тут ещё откуда-то, замечаю, посыпались маленькие снаряды, зенитные. Они падают, так вот фырчат да крутятся, а потом... Они дистанционные. Потом рванёт. Увидишь такое чудо перед носом, потом одна мысль не покидает: а вдруг вот сейчас как шибанёт в ровик, в окопчик! Да между ног! С чем домой возвращаться?!

И смех, и грех. Был там момент, когда залёг я на дно, голову руками закрыл и только думал: «Ну, всё, Костюха, труба тебе! Полный ...ец!»...

– Ох, небось, в таких ситуациях вы не раз вспоминали вот эту самую церковь, в которой крестили вас когда-то...

– Да, крестили меня здесь. А что касается того, о чём вспо-

минал... Знаешь, что солдат чаще всего вспоминает? Это маму. И мат. Ну, мы и материться не умели путём-то. А мама... Как прижмёт, так про маму и вспомнишь...

– Так ведь по большому счёту-то и воевали за неё.

– Да, это Родина, это мама. Это вот то место, где мы сейчас стоим.

На грани анекдота

Валентин Яковлевич Лиференко

– Армейскую службу я начал... ну, понятно, с момента принятия присяги, но в войска прибыл в июне 1941 года. Так что война началась, а я был молоденьким лейтенантом со стажем в несколько дней. А войну я встретил вблизи границы. Кстати, в отличие от множества трагических страниц первых дней войны, у нас это выглядело как-то несерьёзно, иногда, я бы сказал, на грани анекдота.

– Как это? Война ведь!

– Дело в том, что полк у нас был кадровый, хорошо укомплектованный, вооружение хорошее. И подготовка боевая была на уровне. Поэтому, когда пошли через границу самолёты и я, случайно оказавшийся в штабе, нёсся на грузовичке в распоряжение части с приказом, полк уже вышел, чтобы занять огневые позиции. Они, конечно, были определены заранее, исходя из нашего вооружения. А у нас были 76-миллиметровые орудия и гаубицы, которые и после войны до самого последнего времени на вооружении стояли, а кое-где, может быть, и сейчас стоят, точно не знаю.

– Значит, вы должны были прикрыть танкоопасное направление.

– Совершенно верно! Вот наш полк и развернулся вдоль стратегически важной шоссейной дороги. И не успели мы

развернуться, а позиции там были уже подготовлены заранее, показались танки.

– То есть угадали направление!

– Да если бы! По всей вероятности, немцы давно просчитали вероятность артиллерийской засады в этом месте и главные силы не пустили по этой дороге. Но сомнения всё же были у них, потому что послали несколько этих танков – разведать, как тут обстоят дела. Короче, первый танк вырвался вперёд, и ближайшее же, первое орудие первым же снарядом попало и подожгло его. Кстати, горел он, как фанерный. Танки были старого образца, нового, тяжёлого танкового вооружения у немцев ещё не было. Вот наша пушка и прошила его. А тем временем из-за первого танка выдвинулся второй. И опять это же орудие с одного выстрела подбило и этот танк!

А вы знаете, даже некоторое разочарование у солдат было. Все выскочили на брустверы, все кричат, машут руками: да что, мол, воевать с ними! Ещё немного – и шапками закидали бы. Уже и командира орудия – Дробяско была его фамилия – поздравили, а двое-трое немцев из экипажей убегали по полю, и ни у кого в голову мысль не пришла (в том числе и у меня, это я сейчас такой умный, а тогда – ну, дурак дураком!), что это «языки», они могут дать информацию. Не догоняли. Один танк, который вторым подбили, горел на месте, а первый догорал, вращаясь вокруг оси, на одной гусенице...

Чего больше было в этом эпизоде – плюсов или минусов, –

я не знаю. С одной стороны, танки подбиты, мы сами убедились, что наша механизированная дивизия отвечает требованиям войны, всё у нас есть, кроме нормальной связи. А с другой стороны – лёгкость победы ещё никому пользу не приносила. Мы были готовы к тяжелому бою, а тут...

Да, вот ещё штришок в памяти. После войны, так уж судьба повернулась, я, сделав большой военный круг, стал служить в тех местах, где началась моя военная служба. Много раз мы ездили на учения и проезжали по той самой дороге. И вот те два танка сгоревшие стояли там до 1948 или 1949 годов. И каждый раз, проезжая, я показывал на них друзьям и сослуживцам и говорил:

– Вы проезжаете мимо исторического памятника. Это один из первых подбитых вражеских танков в Отечественной войне!..

– Ну, ладно, с несерьёзностью мы разобрались. А вы ещё сказали – на грани анекдота...

– А это тоже неизвестно – для кого анекдот. Для всей дивизии это был анекдот, а для меня...

Кстати, это тоже 22 июня было, в тот же день. Довольно скоро наши командиры поняли, что немцы пошли мимо нас на Ленинград, нас игнорировали, поэтому надо было готовиться к передислокации, чтобы поактивнее участвовать в боях. Образовалась у нас такая пауза, затишье, всему личному составу выдали гранаты.

Получил гранаты и я. Прицепил на пояс несколько «ли-

монок» – это круглых таких, Ф-1 назывались. Прицепить-то прицепил, а внутри меня самокритика грызёт: уж кто-кто, а я знаю, что за всё время обучения в училище мне ни разу не пришлось бросить боевую гранату. То ли сэкономили их, то ли считали, что артиллеристам это ни к чему, уж не знаю, но обучали нас этому делу только теоретически, а курсант – он, сами понимаете, и мимо ушей что-то пропустить может. Ну, на физподготовке бросали мы деревянные с железной оболочкой, а по-серьёзному – нет, ни разу.

И вот, зная это всё, я соображаю, что гранаты эти на сей момент для меня всё равно, что бульжники, толку от них мало, разве что немцу прямо в лоб попадётся. А раз так, то надо попробовать хотя бы раз.

Сказано – сделано. Пошёл в сторону от позиций, а там, на краю, угловой такой окопчик был, то есть углом был вырыт.

Ладно, подойдёт. Вокруг – никого. Спустился я, снял гранату и всё сделал правильно: отогнул усики проволочные, выдернул кольцо... Всё сделал, кроме одного – надо было прижать рычаг, а я забыл. И прямо у меня в руке распрямившаяся пружина выбросила вверх всё это дело!

Я отупело смотрю на руку с гранатой и думаю – мне казалось, что очень медленные мысли у меня были, – ну, всё, сейчас взорвётся, отвоевался...

Сам не понимаю, как я из этого ступора вышел. Я её всё-таки бросил. Но опять-таки нервы подвели, и упала она прямо на бруствер, на землицу эту. А она-то давно выкопана,

уже уплотнилась, и граната потихоньку скатывается в окоп, прямо на меня.

Каким уж чудом сообразил я, что можно укрыться за углом окопчика?! Сиганул туда.

Тут она и рванула.

Я остался цел, ни царапинки. Только несколько дней походил с ватными затычками в ушах – кровь шла от воздушного и звукового удара...

Но и здесь, правда, плюс обнаружился: не слышал я, как по всей дивизии анекдот про мой «подвиг» рассказывали...

Из кольца

Сергей Иванович Разуваев

– Служил я ещё до войны. Семь месяцев уже отслужил, а тут она и долбанула. В принципе все знали, что она будет, только вопрос – когда? А тут и этот вопрос сам собой снялся. У нас дислокация была далеко от границы, поэтому сразу после начала войны погрузили нас в эшелоны и привезли на станцию Добруш в Белоруссии. А оттуда уже поехали на машинах, у нас спецмашины были с оборудованием...

– А в каких это вы войсках были, что спецмашины у вас?

– Служил я в корпусной артиллерии в таком подразделении, которое называлось так: служба артиллерийской инструментальной разведки, а в быту коротко АИР. Командиром нашего дивизиона был капитан Здор. В общем, прибыли мы на Днепр. Стали. И стоим. День, два, три... Где-то грохочут бои, люди гибнут, немцы рвутся вперёд, а мы стоим. Нет приказа. Вот в такое положение никому не пожелаю попасть. Стояли две недели! Будто ждали, пока немцы сами к нам на поклон подойдут. Не знаю уж, в чём была причина. То ли забыли о нас, то ли стратегический расчёт не оправдался и силы противника пошли в другую сторону, но только самим-то немцам наше стояние, о котором они были осведомлены, доставляло немалое удовольствие.

– А откуда известно, простите за каламбур, что им это бы-

ло известно?

– Очень просто. Они сбрасывали на нас, кроме бомб, ещё и пропагандистские листовки. И там среди обычных, типа «солдат, бросай винтовку, иди домой», была и такого содержания, точный текст не помню, но смысл такой: «Молодцы, артиллеристы, работа у вас отличная, за такую работу благодарим и обещаем кормить мясом, а пехоту будем кормить только сухарями».

Вот такие листовки радости нам, конечно, не доставляли. Но дисциплина есть дисциплина, и мы не трогались с места. И вот проходит две недели – двинулись. Первый бой был на шоссе Гомель – Могилёв, это на левом берегу Днепра. Остановили нас, ссадили с машин. Стоит на дороге адъютант генерала и палит в небеса из пистолета: здесь, мол, пройдёт линия обороны.

Ну, высадились мы, машины подальше отвели, укрыли... Окопы, впрочем, здесь уже были выкопаны. Стали занимать оборону. Оружие у меня было диковинное – ручной пулемёт, но не обычный, а специально приспособленный для кавалеристов, его можно было приторочить к луке седла. Вот такой старый пулемёт, ещё чуть ли не с Гражданской войны. Мы вдвоём были – шахтёр был, фамилию сейчас уже не помню, и я. И вот жиденькая цепочка солдат с одним-единственным пулемётом стала держать оборону.

Пошли немцы вечером, поздно, уже темно было. Шли с автоматами, с закатанными рукавами, пьяные. По плотности

огня они в несколько раз превосходили нас, не говоря и количестве людей. Наш пулемёт, конечно, свою песню пел, но на нём долго не посолирует. Решили подпустить поближе. И когда они подошли на расстояние броска, мы не дали им возможности сделать рывок до наших окопов – стали кидать гранаты. А с гранатами тоже закавыка. Один из наших бросил гранату... То есть не бросил, собирался бросить, и граната разорвалась у него в руках. Ну, не было у нас опыта ещё, первый раз, первый бой. А он ещё недавно верблюдов пас, какая там граната! Просил застрелить его, умолял, а нас ещё тоже война не обкатала – ни у кого не поднялась рука облегчить его мучения... Так в страданиях и умер...

Мы там немцев не пропустили. Потери, правда, тоже понесли большие. Капитан Здор был тяжело ранен, лейтенант Старчун наповал убит... А ночь уже. К утру одно из двух: или попрут они на нас ещё большими силами и полностью уничтожат, или же мы окажемся у немцев в тылу, что тоже сулит нам мало хорошего. И мы во главе с нашим комиссаром стали выбираться оттуда, пока ловушка не захлопнулась.

Решили мы двигаться вдоль линии фронта. Отступить начали тогда же, ночью, пока немцы не пошли с рассветом в атаку. Пришли к своим замаскированным машинам и тронулись. Немцы, конечно, слышали шум моторов, но что они могли ночью сделать?

Сохранились от тех дней, от того времени какие-то картинки, обрывки. Вот мы на высоте, а немцы к нам идут снизу.

Откуда-то появляется танкетка. А тут речка ещё, мостик...

– Что за танкетка? Из тех, что не успели снять с вооружения?

– Ну, да, тридцатых годов лёгкая танкетка. Откуда? Ещё нам в поддержку жиденький артиллерийский огонь: одна или две пушечки полевые малого калибра... Где это, когда – всё смешалось. Потом вдруг зенитный пулемёт ударил. И он почему-то стоял на дороге... Короче, вот такие обрывки от этого отступления в памяти сохранились. Мы были тогда в 67-м корпусе 21-й армии. Корпусом командовал генерал Петровский. И весь корпус попал в окружение, а мы, благодаря идее комиссара, двигались вдоль фронта, и в окружение мы там со всеми вместе не попали. Хотя, как говорится, от судьбы не уйдёшь – всё-таки мы в окружение вляпались, но это попозже, в районе Киева.

Мы до этого погрузили на станции Ичня все разбитые в Черниговской области орудия, прошли дальше вдоль линии фронта и оказались возле Золотоноши. Чувствуете, какая была неразбериха?

Мы передвигались и действовали как бы сами по себе, никем не были востребованы, никем ни на каком месте не были приставлены... Вроде бы есть воинская часть, а вроде бы и нету...

Золотоноша, к которой мы выбрались с боями, находится в районе Оржицы. И получилось, что мы попали из огня да в полымя, прямо к чёрту в зубы, потому что любой военный

историк по одному названию Оржица поймёт ситуацию. Вот только в популярной литературе почему-то умалчивают об оржицкой трагедии, и если человек не специалист, то ему это название ничего не говорит. А ведь речь идёт о нашем крупном поражении в начале войны, когда четыре наших армии попали в окружение. С большим трудом какой-то части войск удалось пробиться к своим. Мы тоже оказались там, тоже держали круговую оборону, строили переправу... Мне повезло – цел остался, но вот моего товарища Василия Созинова там тяжело ранило, мы его понесли на себе в госпиталь. А госпиталь располагался в школе, раненых полно, и врач операцию не стал делать. Абдрашитов, комиссар, к нему:

– Почему?

– Да что – не видите, что света нет?

Абдрашитов совсем взвился – достал пистолет, передёрнул и говорит:

– Сейчас и ты с белым светом попрощаешься, если не сделаешь операцию.

И фактически под угрозой оружия Созинову операцию сделали, но мы же были в окружении, поэтому о Васе я больше никогда ничего не узнал. Так же, кстати, как о комиссаре Абдрашитове, как о многих других... Мы выходили из окружения.

Выбрался я аж в Тульской области... Вот сейчас сказал это, и мысль мелькнула: как легко звучит! Из Белоруссии на Украину, потом в Россию, из области в область... А ведь это

всё с боями, это всё по большей части ногами! Вы просто на автобусе проделайте такой маршрут – и то устанете, не захочется путешествовать!

– Сколько же дней длилась ваша эпопея от первого выстрела, первой очереди из пулемёта до выхода из окружения?

– Это всё держалось на «бабушкином аттестате», лесами, тропами. Это длилось до... После октябрьских праздников я вышел в район села Ивановское Тульской области.

– Ну, тут для тех, кто этого не знает, нужно пояснить, что такое «бабушкин аттестат». Если вспомнить, что денежное и продовольственное обеспечение командиров Красной Армии производилось по документу, называемому аттестатом, то «бабушкин аттестат» – это просто-напросто еда, которой наши люди, чаще всего старушки, снабжали окруженцев и всех оголодавших солдат. А если грубее, то подавание...

– Абсолютно так. Нам этот «бабушкин аттестат» буквально жизнь спасал. Тогда я, пожалуй, впервые наглядно увидел, как много у нас добрых сердец. Были, конечно, и другие случаи, когда гнали или говорили, что у самих ничего нет. Смотришь на такого «голодающего», а у него морда поперёк себя шире. Но таких случаев всё-таки было мало. Относились к нам очень хорошо, мы же были на своей территории, это нас спасало.

В общем, вышли из окружения. Сразу – спецпроверка. Кстати, когда в современной литературе описывают подоб-

ную ситуацию, то почему-то всегда с негативным оттенком: хмурые, недоверчивые люди из «органов» трясут честных солдат вопросами...

Не знаю, ни я сам, ни те, кто проходил через это сито, не были счастливы, разумеется, но и осадка какого-то горького не ощущали. Да, хмурые, да, недоверчивые. Но хмурые от усталости, от огромной работы, им порученной. А недоверчивыми им по определению положено быть, потому что через них шли и дезертиры, и предатели, и заброшенные под видом окруженцев диверсанты.

После спецпроверки оказался я на станции Лев Толстой. Всем нам нужно было новое обмундирование, вшей было несметно. Когда вышел, пошёл в аптеку. Зашёл, спрашиваю аптекаршу:

– У вас есть что-нибудь от вшей?

– Есть, – говорит.

– Ну, так давайте мне.

– На сколько?

– На миллион.

– Миллион?! Да у нас во всей аптеке на такую сумму лекарств не будет!

– Да я не про деньги. Вшей у меня миллион...

Вот такие штрихи самого тяжёлого, конечно, сорок первого года. Кто не воевал в сорок первом, кто не отступал, тот не видел самого тяжкого, самого страшного на войне. На нас была брошена такая армия, что... Немцы даже насмеха-

лись над нами. Помните, я про Белоруссию рассказывал, про сидение без дела, про листовки? Так вот был и такой случай. Немцы сбросили в наше расположение труп еврея на парашюте. В руках несчастного корзинка, в ней бутерброды и листовки такого содержания: «Солдаты! За кого вы воюете? Ради кого?» Вот такие «подарки» издевательские мы получали от немцев.

...После проверки меня взяли работать в штаб 3-й армии, точнее – в штаб артиллерии третьей армии. Я ведь военный топограф и на фронте занимался расчётами: привязка орудий, решение задач Гансена, Потанота... Позже, с 48-й армией дошёл до границы Советского Союза. За границей не был. Вот и всё.

Летний день на усадьбе

Павел Алексеевич Молчанов

– Павел Алексеевич, вы в армейских кадрах числились с 1940 года. Это значит, что войну вы встретили под присягой, в военной форме.

– Да. И не только по форме. Так получилось, что война пришла, и мне пришлось столкнуться с ней нос к носу в первый же день.

В общем-то во время войны у меня была сравнительно мирная военная профессия – радист. Так что ни о боевых действиях, ни о каких-то особо трудных случаях рассказать не могу, хотя профессией своей я горжусь и считаю, что без радистов добыть победу было бы куда труднее.

С сорокового года я учился в школе специальной на радиста. Весной сорок первого вывезли нашу школу в так называемые летние лагеря. Причём на самую границу. Названия этого местечка я уже не помню. Это была очень большая бывшая усадьба какого-то польского пана. Бывшая – это совсем с недавнего времени, чуть больше года прошло с момента изменения государственных границ, и эта территория отошла к Советскому Союзу.

И вот эта усадьба была рядом с рекой Прут и, таким образом, попадала в восьмисотметровую пограничную полосу. И именно там был разбит наш летний лагерь, и там мы про-

должали учёбу. Хозяевами были, естественно, пограничники, а мы как бы у них в гостях. Всё это было не так уж далеко от Львова, где, собственно говоря, и размещалась наша радиошкола.

Война застала нас именно в этом лагере. Я в этот день в аккурат стоял на посту в радиовзводе. И вдруг – пулемётные очереди. В первый момент не понять – кто, откуда? И только потом, когда с деревьев стали падать срезанные пулями ветки, начали мы понимать, что это не случайная очередь какая-то, что это обстрел, и стреляют специально по верхушкам деревьев из-за реки, потому что, вероятно, считали, что там у нас сидят наблюдатели или снайперы – «кукушки».

А какие там были огромные каштаны, в этом старинном парке! И никого-то на них не было! Да и вообще никого не было. Выходной день. Полусвободный распорядок. Никто никого ни о чём не предупреждал, нападения не ждали ни-сколечко. Офицеры в большинстве во Львов уехали, к семьям. Пограничное начальство, кстати, тоже. Только дежурный офицер на заставе. Он-то нас по связи и успокоил: ничего страшного, действует небольшая группа нарушителей границы, сейчас её ликвидируют, и завтрак будет по распорядку.

Эх, если бы так! Вскоре за пулемётными очередями раздался взрыв – открыли огонь из миномётов. Первая мина разорвалась на футбольном поле, вторая – поближе к помещению, в котором находилась школа, третья угодила уже

прямо в здание...

Вот только тогда прозвучала боевая тревога. Началась война.

Пограничники, те, что оставались на заставе, все вышли на границу; мы тоже все получили патроны, всё снаряжение по боевой и... нет, боя не было у нас, тут уж ведомственное разобшение проклятое сработало. Ну, и воинская дисциплина, конечно. Приказа помочь пограничникам не было. Ребята рядом ведут бой, мы в готовности, подсумки полные и... стоим! Нет приказа и всё!

Приказ поступил чуть позже: выйти из зоны обстрела, из этого сада помещичьего. Вышли и заняли оборону. Там, примерно в километре, были выкопаны окопы – вторая линия обороны. Хорошо хоть, что они у нас были, потому что мы были же на новой границе, а её совсем не успели обустроить. Так что даже окопы не были укреплены ничем, долговременных огневых точек тоже ни одной не сделали... На старой-то границе ещё год назад быстро всё разобрали, все укрепления снесли. Торопились почему-то, забыв о том, что вначале новую линию границы укреплять надо!

Вот в этих окопах нам и пришлось начать войну. Дальше, я уже говорил, всё время для меня оказалось спокойным. Но работа, конечно, очень важная. Радист на войне – это глаза и уши. Через него, через его радиостанцию связь идёт и «наверх» и «вниз». У каждого – свой позывной, свои шифровальщики. Они приносили нам кодированное всё, одни толь-

ко цифры стояли. И группами цифровыми мы и передавали все приказы, открытым текстом ничего не передавалось. И сами мы даже приблизительно не знали, о чём шла речь. Стучали на ключе. Вначале я был на ротной радиостанции, небольшая такая, а потом уже стал работать на более мощной. Закончил войну в Белостоке. А теперь вот к этому памятнику прихожу...

– Мне сказали, что вы лично очень много труда вложили в то, чтобы в вашем селе был этот памятник.

– Это память о товарищах погибших, о молодости. У меня погиб брат, вот его фамилия. А всего в нашем сельсовете погибли 246 человек, было у нас когда-то 15 деревень... Память – им...

Письмо Константина Ивановича Маланова сыну. Константин Иванович был добровольцем Ярославской коммунистической дивизии.

«Здравствуй, милый Вовочка! Получил твоё и Алино письмо, за что целую тебя крепко-крепко. Поцелуй за меня мамочку. Передай привет тётке Шуре, бабушке, дедушке. Будь здоров. Напиши мне, живут ли у нас курочки и не поморозили ли они себе лапки. Ты за ними ухаживай, береги их. Ещё раз целую тебя, мой родной. Твой папа Костя. Пиши мне письма».

Это было письмо сыну. А вот письмо другое. Сын пишет отцу. Письмо Бориса Салынского Ивану Дмитриевичу Салынскому в 118-ю стрелковую дивизию.

3 августа 1941 года.

«Здравствуй, дорогой папочка. Все мы здоровы, что и тебе желаем. Сегодня от тебя получил 300 руб. Папочка, я тебя очень прошу писать почаще письма, а то беспокоимся. Пиши, как у тебя здоровье. Об нас не беспокойся. Желаю тебе со скорой победой приехать домой, привет от всех. Целую тебя. Боря».

Иван Дмитриевич Салынский погиб через три дня после того, как сын написал это письмо — 6 августа 1941 года...

А мы были почти готовы

Лев Владимирович Давыдов

Он выглядел во время нашей с ним встречи таким энергичным и подвижным, что я безо всяких к тому оснований решил, что попал он на фронт совсем юнцом. Спросил, в каком году его мобилизовали. Его брови удивлённо подскочили над резко-чёрной оправой очков:

– Почему «мобилизовали»? Я в РККА с тридцатого года начал служить.

– ?! (Пришёл черёд удивляться мне.)

Давыдов рассмеялся, довольный собой и произведённым впечатлением, чувствовалось, что он гордится этим обстоятельством:

– С восьмого года я, тысяча девятьсот восьмого года! Что – не похоже? У нас в роду все такие, все живут подолгу. Восемьдесят шесть, сто один год, даже сто четыре!

Вот так начался наш разговор с кавалером ордена Ленина, ордена Красного Знамени, трёх орденов Отечественной войны, двух орденов Красной Звезды. Встретив войну в Прибалтике, он принимал участие в битве на Орловско-Курской дуге, в сражении за Сталинград, потом были Витебск, бросок на Прибалтику... Словом, география военная – одна из самых тяжёлых. Я вначале даже не задумался над этим, но потом спросил, вспомнив ускользнувшую было мысль:

– Позвольте, но ведь выходит, что вы, ваша часть... Вы что, вернулись туда же, где началась для вас война?

– Редкий случай, вы правы. Но мы действительно закончили войну там, где начался наш первый бой. Дивизия наша так и остановилась в Литве. Мне, правда, пришлось и дальше побывать, а вот дивизия...

– Ну, тогда о первом дне расскажите подробнее...

– А для нас первый день был раньше двадцать второго июня. Мы стояли тогда в Даугавпилсе. Семьи в городе оставались, а мы в лагере летнем. И семнадцатого июня подняли нас по тревоге. Приказ был такой: срочно прибыть в укрепрайон возле местечка Калваляя. Это недалеко от нынешней Калининградской области, а тогда это самая граница была с Германией, Восточной Пруссией.

Люди военные знают, что такое, когда крупная часть по тревоге поднимается. Вроде и суматоха, только целесообразная она, каждый знает, что ему делать. А тем более мы – кадровые военные, новобранцев было мало. В общем, снялся лагерь, и пешим ходом вся дивизия к месту дислокации направилась. Сказать, что какие-то предчувствия были у нас, – не скажу. Дело обычное, военное, начальству виднее, куда нас направлять, может быть, учения намечаются... Конечно, думали о семьях, что в Даугавпилсе остались, ведь попрощаться и то не было возможности, но идём и идём колоннами – винтовочки, на роту – по пулемёту, а ППШ, автоматы, тогда на пальцах посчитать можно было – новое оружие ещё

считалось. Пушечки на конной тяге... Идём, словом. Мотаем километры на портянки. День, другой... Двадцать первого июня на ночёвку остановились. Возле Каунаса это было, в нескольких километрах. Ночью все уже спать легли, а мы с политруком моим сидим, не спится что-то. Забыл сказать – я тогда ротой связи командовал, старшим лейтенантом был. Вот сидим мы, а Шапошников, – политрука фамилия была, – вдруг говорит:

– Плохо всё это пахнет, Лёва. Плохо. И то, что сорвали нас, и то, что разъяснений не дают... Ладно, давай спать, утро вечера мудренее.

– Да уж какой вечер, – говорю, – третий час... Давай ложиться.

Легли мы прямо на траве. И заснули сразу. Крепко. Устали же.

Другие потом говорили, что гул самолётов слышали и проснулись. Я не слышал, честно сказать. Проснулся уже от разрывов.

О том, что это был массированный налёт на близлежащий аэродром, что в общем-то мы под огнём оказались случайно, – это мы позже узнали или сами сообразили. Просто нас попутно обнаружили и начали бомбить. Перепуганы мы были, конечно, даже паника было началась, люди никак не могли понять, что происходит. Да и спросонок много ли сообразишь? Крикнул я своим, чтобы рассредоточивались, укрывались, а сам в штаб. Он в ста метрах располагался. Бегу, а

кругом убитые лежат. Много людей погибло... Генерал-майор Павлов командовал нашей двадцать третьей стрелковой дивизией. Поставил он командирам задачу, – уже как-то легче стало, по крайней мере цель какая-то появилась.

Короче говоря, не успели мы осмотреться и потери подсчитать, как нас немцы атаковали. Причём были это мотомехчасти, подвижные, вооружены хорошо...

Страшно тяжело было. Всё воспринимаешь какими-то отрывками, эпизодами, связную картину я и сейчас не смогу, наверно, воспроизвести. Видишь цель – стреляешь. Получаешь команду – выполняешь, слышишь свист – падаешь, голову хотя бы руками прикрываешь... А вот встали, пошли в штыковую. Бежишь и думаешь: а солдаты твои бегут за тобой или нет? А оглянуться некогда, потому что немцы – вот они, рядом, и надо добежать до них раньше, чем тебя убьют... В той штыковой наш генерал погиб, Петров. Сам вёл за собой людей.

Сейчас много об этом написано – о первых днях, о потерях, о том, что генералам не место было в общем строю, что это – от беспомощности и неумения руководить войсками. Дальше забираются в прошлое, ищут причины в массовых репрессиях, в том, что лучшие командные кадры были повывбиты... Во многом это всё правильно, не оспоришь. Но это – только в теории. А по жизни... Я не пожелал бы этим холодным умникам в тиши кабинетов и квартир, тем самым, кто так уверенно рассуждает о том, чего не следовало делать ге-

нералам, оказаться со своим штабом в паре сотен метров от врага, когда единственный способ спасти хоть часть людей под плотным автоматным и пулемётным огнём – поднять их и повести за собой... Так погиб наш генерал Петров.

Где-то день на второй или третий, – а бой был непрерывным, потому что мы умудрились в этой каше кое-как окопаться и держали свой участок, вспомнил я, – что последний раз ел вечером двадцать первого. Да и то вспомнил потому, что услышал – Шапошников жуёт что-то. Мы с ним лежали в окопчике, пауза у нас такая получилась. Слышу – жуёт. Повернул голову, а даже это движение усилий стоит, так мы устали, смотрю, – а он мне какой-то кусочек протягивает:

– Бери. Ценный продукт. Вобла. Завалялась.

Он вообще-то разговорчивый был парень. Из города Изюма сам был. Но тогда говорить, видно, не мог – устал, как я, как все. Взял я половинку от той половинки, что он ел. Только в рот положил – и почувствовал, что сейчас от голода помру, прямо скрутило всё внутри. Пока про еду не вспоминал, – вроде бы нормально всё было. А Шапошников, смотрю, вторую половину этой малюсенькой воблы прячет.

– Ты что, – говорю, – политрук! Зажать воблу хочешь?

А он смеётся:

– А ты думаешь, что завтра тебе кто-то поесть привезёт?

Сегодня уж потерпи, сэкономим...

И ведь верно – ни завтра, ни послезавтра еды у нас не было никакой. На подножном, как говорится, корму. Да толь-

ко опять мы и не вспоминали о питании... Помню – из главных мыслей: из роты целый взвод погиб, жалко ребят; и ещё одна: что там, в Даугавпилсе? Где сейчас находятся жена и сын мой, сорокового года рождения, года ещё ему не исполнилось?..

О войне много написано. И всё же пока не встретил я книги, где по-настоящему описано положение женщины с ребёнком, беженки, которая не знает вообще – жив ли её муж, что с ним. Вот ведь с Асей моей так было. Из Даугавпилса она в Себеж эвакуировалась, потом в Смоленск их отправили, потом в Мордовии оказались, в деревне Кобылкино... И ведь не везде могут принять, не везде и есть что покушать. И негодяи встречаются, и равнодушные люди. А она с годовалым мальчонкой на руках... Из Мордовии – в Чкалов, оттуда – в Челябинск. И только потом оказались они в Средней Азии, в городе Мары. Ну, это для неё родные места, сама она в Кушке родилась. Только в сорок третьем году отыскал я их след в Челябинске, первое письмо получили они за два года. А в сорок четвёртом после ранения оказался я недалеко в госпитале. Вот и встретились. Три года...

В те же дни столкнулись мы с ударом в спину, с предательством. Хотя, наверно, об этом не надо...

– Почему же «не надо»? Жизнь есть жизнь. В ней, к сожалению, не только плюсы. А о чём речь?

– Дело в том, что когда мы начали отступать, а произошло это только через пять-шесть дней непрерывных боёв, то мы

должны были перейти Неман. Там был мост, а прямо за мостом – Каунас. И вот когда подошли к мосту, то авангардная разведка донесла: мост осёдлан кем-то, причём основательно. Там были несколько пушек, а вокруг – пулемётные гнёзда. Откуда впереди оказались немцы? Неужели десант? Понаблюдали. Нет, не немцы это были. Националисты и приккнувшие к ним недобитые когда-то белогвардейцы. И откуда только такое оружие добыли?! Было решено в бой не вступать, потому что на мосту этом можно было много людей потерять. Лучше подняться против течения реки и форсировать её уже там. Так и сделали. Переправлялись на восточный берег кто как мог – паромы, плоты соорудили, но на всех плавсредств не было. А вплавь с оружием да в полном снаряжении-амуниции одолеть такую реку сложно, многие утонули при переправе. А я к тому же и плавал плохо, сообразил заранее, что не выплыву, поэтому ухватился за повозку какую-то. Кони плывут, а я за ними. Так и перебрался.

Вот как раз после этой переправы обозначился для нас второй этап войны. Уже всё ясно, уже эффект неожиданности не работал, уже вступила в силу армейская организованность: боеприпасы, питание стали поступать. Мало, правда, но всё же лучше, чем ничего. И в тридцати километрах от Каунаса, возле Ионавы, мы смогли уже дать фашистам достойный отпор. За те бои я был впоследствии представлен к ордену Красной Звезды. Кто воевал, тот знает, как дороги были тогда ордена и медали. Не до того было...

Вот так оно у меня и начиналось. И вот ещё хочу рассказать один эпизод. Правда, это уже намного позже. В сорок пятом году, после Победы, был я в Берлине. И произошёл случай вот такой. На вокзале мы были, группа офицеров, многие к концу войны сносно говорили по-немецки, но переводчик тоже был с нами. И вот вижу я: старик-немец, в возрасте примерно, как я сейчас, подошёл к разрушенной стене, поднял из груды обломков целый кирпич и прилаживает, прилаживает его. Я спросил:

– Старик, зачем это? Ведь стены этой – нет, вокзала – нет, самой Германии сейчас тоже нет!

И он ответил:

– Если каждый немец поднимет по кирпичу и положит в надлежащее ему место, то будет стена, будет вокзал, будет сама Германия!

Я спросил его ещё:

– А как ты думаешь, старик, война ещё будет?

Он из философов-пессимистов был, наверно. Он сказал с горечью:

– Пока на нашей земле есть... пять... да, пять всего солдат и хотя бы один ефрейтор, – война будет!

...И я до сих пор думаю и не могу понять: что он имел в виду, когда сказал «на нашей земле»? Только Германию? Или всю планету?..

Из письма автору от Анатолия Александровича Болотова, жителя города Липецка.

«Кто воевал, тот навсегда останется солдатом. Это как горелая рожь, – сколько её ни перебирай, сколько ни провеивай, – всё равно горчить будет... Чтобы оживить у фронтовика память о прошлом, самая малость требуется: ударит гром среди бела дня – на артиллерийский залп похоже. Блеснут зарницы сухим июльским летом – будто фронт проходит километра в двадцати... Память коротка у тех, кто мало пережил. Или у тех, кому прошлое вспоминать невыгодно, не по нутру оно им. Народ, который пострадал больше всех, никогда не забудет горечи утрат, ни радости победы. И эту память мы передадим векам, потомкам нашим».

Выстоять!

Война глазами генерала и лейтенанта Евгений Яковлевич Лебедев

– Евгений Яковлевич, вы много лет отдали увековечению памяти всех, кто принимал участие в Великой Отечественной войне и погиб в боях. При вашем самом активном участии и руководстве создавалась уникальная Книга Памяти. Такие создавались во всех областях России, но именно книга, где вы были главным редактором, была признана одной из самых лучших – по полноте материала, по исторической оснащённости. Там есть практически все сведения о том, что было сделано в ваших родных местах для Победы. И конечно же, работая с документами, историческими материалами, вы, как непосредственный участник войны, не могли не сделать каких-то обобщений, выводов.

– Вы знаете, вся послевоенная мемуаристика, все труды военных историков, посвящённые этой войне, стремятся сделать такие выводы. Мы стараемся извлечь какие-то уроки из истории, чтобы не повторить ошибок. Но самое парадоксальное заключается в том, что уроки извлекаем мы, уже ушедшие из активной жизни (или вообще из жизни) поколе-

ния. А условия меняются быстро, и молодые начинают считать, будто этот опыт им сегодня не нужен. После Великой Отечественной крупномасштабных войн, слава богу, не вели, но в боевых действиях, в общем внимании к боеготовности прослеживается именно такое отношение: прошлый опыт устарел. С этим никак не могу согласиться. В особенности в части военно-патриотического воспитания, физического, оборонного воспитания, мобилизационной готовности.

На основании собственного опыта и изучения истории могу категорически утверждать, что готовность к обороне у нас была на достаточно высоком уровне. Да, мы опоздали с реформой армии, да, Гитлер опередил нас, и первый удар был таким мощным, что его не выдержала бы ни одна армия мира. Это наглядно было продемонстрировано в Европе, и Гитлер со своими маршалами не случайно сделали ставку на блицкриг, молниеносную войну. Могу утверждать даже, что если бы не были предприняты перед войной многие меры, эта ставка была бы полностью оправданной.

Посмотрите: накануне войны у нас была проведена очень важная реформа в армии в целях её укрепления. Мы от территориальной системы базирования перешли на кадровую. Эта гигантская работа была проведена за год-полтора всего!

На первом рубеже обороны – у самой границы – стояли 170 дивизий. Сила большая, но сама граница была новой, оборонительные сооружения вдоль старой были оставлены в

тылу, а новые сооружения ещё не построены или не закончены. Начало войны Гитлер тоже точно просчитал: в момент, когда в армию пришло необученное пополнение, а старослужащие, самые опытные солдаты, уже отправились по домам.

И вот при всём этом, если бы не хорошо просчитанная и организованная система мобилизационной работы, гитлеровцы вполне могли рассчитывать на победу, по крайней мере – на взятие Москвы.

Мне пришлось вести войну на втором рубеже – Орша – Витебск. Я служил тогда в 7-м механизированном московском корпусе, элитном корпусе. Туда входила первая московская дивизия, 14-я нарo-фоминская и 18-я танковая дивизия. Кстати, начальником штаба корпуса был знаменитый Михаил Сергеевич Калинин, который позже был начальником штабов у великих маршалов Победы – Жукова и Рокоссовского и по полному праву присутствовал при историческом подписании капитуляции Германии.

Так вот Калинин всегда уделял особое внимание мобготовности и часто собирал командиров по этому вопросу. Помню, последнее такое совещание было у нас в Наро-Фоминске в марте 1941 года. Присутствовали все начальники всех служб. Особое внимание было обращено на скорость сборов. А результат говорит сам за себя: когда мы должны были выдвинуться на фронт, мы в течение... конкретно: 22 июня началась война, а уже к вечеру 23 июня мы грузились в эшелоны и уходили на запад. Вот что такое мобготов-

ность! А ведь надо было ещё полностью доукомплектоваться, ведь в мирное время какой-то контингент резервируется, чтобы меньше народа содержать без ущерба для боеготовности. За два дня полностью дополнили!

Одна за другой уходили на фронт дивизии. А ведь что значит – отобилизовать дивизию? Это 14–15 тысяч личного состава одеть, обуть, вооружить и начально обучить, потренировать. Это гигантская работа. И ещё раз повторю: если бы не чёткое планирование, нам бы не выдержать немецкого удара...

– Евгений Яковлевич, это точка зрения ветерана войны, отдавшего службе в вооружённых силах много лет, прошедшего путь до генеральского звания. Но тогда, в сорок первом, вы были молодым командиром и видели начало войны и другим взглядом, в другом ракурсе.

– Да, начало военного пути для меня было трудным и страшным. Под Вязьмой четыре наши армии попали в «мешок», в окружение. Это было 3 октября сорок первого, когда немцы начали генеральное наступление на Москву. Этот момент подробно описан и в художественной, и в мемуарной литературе, поэтому о ситуации говорить не буду. Но вот ощущение беспомощности, полного разброда отчётливо помню. Войска потеряли управление, и каждый действовал, кто во что горазд. Да и лично мы все были деморализованы, подавлены...

И вот какой-то полковник, даже не знаю фамилию его, со-

брал нас, всех командиров, кто был поблизости: кто хочет сегодня прорываться?

Захотели все.

– Собираемся в таком-то часу там-то...

И вот в этом месте собралось нас... Ну, несколько тысяч, наверно, было! Построили нас в цепи, как для психической атаки, офицерам, каждому, в том числе и мне, дали по сто человек – наша зона ответственности. Предупредили о правилах игры: справа и слева нас будут сопровождать счетверённые зенитные пулемёты с трассирующими пулями. Они будут указывать направление и границы участка прорыва. И вот в этом коридоре надлежало двигаться, строго в этих рамках.

Эту ночную сумасшедшую атаку не забуду никогда. Мы двигались автоматически, сознание отключилось, да и какое сознание, когда ночь, вспышки кругом, понять что-то трудно. Видишь только перед собой несколько метров, бежишь, идёшь с непрерывным криком «ура!» или просто криком, рядом падают люди, но надо идти, останавливаться нельзя. Первая линия. Один немец. Второй немец. Идём, кричим. Вторая линия. Немцы. Стреляем. Идём. Кричим. Сбоку где-то трассы идут, значит, не сбились, не оторвались от своих...

И вот когда уже, казалось, всё было кончено, что уже прошли, напоролись на танковую засаду. Уже перед рассветом было. Там деревня была, и они за деревней нас встретили и начали расстреливать. Там канавка была. Я залёг было, а по-

том выглянул и тут же получил такой силы удар, что сразу отключился. Это уже потом я понял, что их снаряд 35-миллиметровый коснулся, срикошетил об мою каску и взорвался через долю секунды уже над моей спиной.

На сколько секунд, минут, часов я потерял сознание – не знаю. Когда очнулся, то вот что интересно: вначале очнулось сознание. То есть сознание в чистом виде, потому что тела не было, не чувствовал, только понял, что жив. Мысль была как бы вне тела, такое впечатление было, в одной точке. Потом эта точка стала расширяться. После этого появилось ощущение тела, потом почувствовал пальцы на руках, ногах, попытался пошевелиться – вышло! Я очень боялся за ноги, боялся, что не смогу идти. Умереть не боялся, нет! В шоке эта мысль не приходила в голову, но всё время вспоминалось то, что видел накануне. А видел я трупы наших солдат с выколотыми штыками глазами. И я представлял, что и со мной немцы – вот так же... Стал вставать. Сел. Оглядел себя. Каска смята. В руке сидит осколок, кровь течёт. Всё лицо в мелкой осколочной сыпи, тоже всё в крови. Но вот что самое удивительное: с меня взрывом сорвало всю спину бушлата, гимнастёрку, до нижнего белья. Боль в спине кошмарная, но ранений там нет!

Я пошёл. Полный безразличия. Сейчас сказали бы – зомби. Ни мыслей, ни чувства опасности – ничего. Одна мысль в голове – надо идти. Вижу – передо мной трасса пролетает светящаяся, остановлюсь, чуть сверну, снова иду... А может,

их уже и не было, этих трасс, может, это мне ночь представлялась, когда первую линию проходили? Или от слабости в глазах такие точки светились? Не знаю. Иду. Не ложусь, не прячусь, иду. Дошёл до леса. А там, на опушке, меня встречает кто-то – стволы торчат. Сосчитал. Восемь штук. Сейчас убивать будут. Или в плен брать. Достал пистолет, выставил вперёд и иду, не замедляя шага. А уже рассвело. Вижу – наши. И они видят, оружие опустили и молча, не сказав ни слова, пропустили меня. А я, как автомат, продолжаю идти вперёд. Они, как потом говорили, просто испугались. Потом догнали меня, и пошли мы вместе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.